

ЮЛЯ
ГАВРИШ

БЕГИ

Юля Гавриш

Беги

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=52266094
ISBN 978-5-6043260-5-3

Аннотация

Действие романа о вампирах «Беги» разворачивается в двух временах: 2010-х годах и уже 2035-м – от момента, когда апокалиптические события замечали лишь немногие, к тем временам, когда оставшееся эволюционирующее общество отчаянно борется за свое выживание. Это общество претерпело раскол: одни превратились в послушный скот, другие осознали себя повстанцами, а третьи стали прятаться по лесам. Впрочем, существование в лесу лишь вопрос времени, очень скоро человеческому виду предстоит окончательно разделиться на два вида: отживших свое слабых трусов и утративших страх революционеров.

Главная героиня на себе ощутила, как изменилось человечество, она страдает и борется, пытаясь осознать происходящие перемены в целом и себя как часть этих событий. Громко отрекаясь от желания помнить, любить, рефлексировать, она неизбежно нащупывает нравственный путь и смысл своего существования, казалось бы, в проигранной битве. «Кто такие вампиры – кара Господня или неизбежные условия эволюции

вида?», «Почему так важно победить страх, чтобы продолжить жизнь на земле?», «Как спасти будущее, в котором мне уже нет места?» – такими вопросами задается Она, вступая в неравную схватку с другом детства, ставшим вампиром, – и схватке этой, разумеется, имя – любовь.

Содержание

Простуда на губе. 2007 год	9
2035 год	10
Сева. 2015 год	19
Рита	27
Лева и Лобовский	35
Больница. 2016 год	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Юлия Гавриш

Беги

*«Шёл отряд по берегу, шёл издалека,
Шёл под красным знаменем командир полка.
Голова обвязана, кровь на рукаве,
След кровавый стелется по сырой траве...»*

Михаил Голодный

Дорогой читатель, роман, который ты держишь в руках, написал поэт. Не пугайся – это не значит, что он в рифму или исполнен лирикой, сантиментами или революционным пафосом. Вовсе нет – это значит лишь то, что роман – метафора. Не ужасник ли это, не попытка ли «подсадить на иглу» бесконечных «Ходячих мертвецов»? Нет-нет – многие, казалось бы, физиологичные подробности понадобились автору не для того, чтобы кого-то напугать, а чтобы выстроить ассоциацию с физиологичной реальностью. Проводя параллель между мифом и жизнью, рассматривая сегодняшние события через разноцветные стеклышки собственных фантазий, я вижу правду иначе: и проще, и страшнее. Вижу, и хочу показать тебе, словно проведя через свой личный сон, нашу общую явь. Так кровь стала символом самого ценного, что у нас есть, а вампиризм – приметой особой касты...

Роман открывается эпиграфом из песни, моего деда Михаила Голодного. Я выбрала эти строки не потому, что в

них упоминается кровь (яркий акцент опуска), а потому что эта песня стала символом его творчества – творчества поэта-комсомольца, поэта-революционера. Я не застала деда живым, но уверена, что, когда он писал эти строки, верил в идею революции, в правоту красных, в победу над врагами страны и будущее режима. Верил, впрочем, не до конца, и уже в сороковых годах его нарочито сбила машина у Центрального Дома литераторов на Поварской улице (тогда улице Воровского). Многие, кто лучше меня знает подробности той истории, убеждены, что его убрали по приказу Сталина. Смутное было это время для писательского гетто – Дома писателей и его жителей тех лет.

Отчасти из-за исторических для моей семьи событий у меня сложилось неоднозначное отношение к революциям. Совершенно мистическим образом я чувствую в хитросплетениях своей крови голоса моих предков: белых офицеров, красных поэтов, военных прокуроров. У каждого из них была своя правда, и все эти правды рвут меня на части сквозь толстый слой земли и десятилетия. Их разум твердит о том, что нет худшего зла, чем революция, их мудрость призывает верить в эволюцию, их добродетель уговаривает оправдывать человеческий путь и принимать любым, но как встроить в эту парадигму нетерпимость к несправедливости – мою, пусть только мою нетерпимость к злу, каким бы я его ни видела сегодня?!

Как странно, что народ каждый век, словно совершив бес-

смысленный круг по невидимой ему оси, возвращается на тот виток спирали, где ему снова предстоит возвыситься и восстать. Словно смеясь, общая коллективная судьба смешивает наши сословия, сплетает в генах правых и неправых, наполняет кровью заклятых врагов наши артерии, а где-то над всем этим царит и живет по своим законам неведомая третья сила – режим, власть, система. Эта сила может менять имя, называться Монархией, Социализмом, Демократией; власть может удивительным образом менять форму, структуру и цвет, переписывать историю, подменять понятия и путать правила игры, но она никогда не изменяет своей сути – она питается теми, кем управляет.

После постигших страну войн и революции, как игральные карты, спутались социальные классы, были утрачены родовые связи. Целыми звеньями из цепи русских поколений выпадали вынужденные мигрировать аристократы, семьями расстреливали интеллигенцию, в мучительных судорогах в новом качестве возрождался запутавшийся сам в себе народ. Проблема самоидентификации затирается сегодня в нашем сознании симулякрами, заимствованиями, чужими, не свойственными русскому народу ценностями, но неизбежно человек нашего времени, как и другие поколения, эволюционирует до той стадии осознанности, когда не нуждается в хлебе и зрелищах, а его чувство собственного достоинства жаждет уважения и справедливости. И вот снова наше окрепшее от потрясений, утратившее страх перед последни-

ми войнами общество пылливо вглядывается в лицо власти – кто ты? Может быть, это система перестала быть стихией, обрела человеческие черты, явилась перед нами объектом, а может быть, это мы выросли и возмужали настолько, что уже способны различить в природном явлении пусть не равного себе по силам, но соперника?! И все равно, словно карты на чьем-то игральном столе, мы, рубахой кверху, лицом в пол, испытываем перед властью кто страх, кто беспомощное возмущение, кто парадоксальную привязанность сироты к запершему его в подвале мучителю.

По крайней мере сегодня я чувствую мир (и внешний, и внутренний) именно так. Из этой мозаики, сложившейся в моем сознании, родились персонажи, которые мне видятся символами нашей эпохи. Какие-то из них получились живыми, реальными, пульсирующими жизнью – с ними ты встретишься уже в этой книге и разглядишь так ясно, словно смотришься в зеркало. Другие выглядят пока лишь наброском, небрежной акварелью, они символизируют определенную социальную группу нашего общества и получают полноценную жизнь лишь в продолжении романа. А продолжу я его непременно. Даже если бы не хотела, он продолжается во мне помимо воли, и для меня вопрос лишь в том, смогу ли я им поделиться с тобой.

Юля Гавриш

Простуда на губе. 2007 год

Целовалась на ветру.
А думала о масонах.
Алой простудой расцветали губы,
А верилось – не сотру...
Оттепель гуляла в кальсонах,
По душе, где выли горны и трубы.

«Рево...» – мой всхлип,
Нелепый ответ: «Не реви, не бойся, не будет» ...
Чего? Если уже и так щемит.
Мы ж не волхвы, а он уже погиб!
За кого вставать хрипящей грудью,
Да собой затыкать щели?

Братья мои второго колена,
(И только я – четвертого),
Гоняли с улиц – берегли честь,
Щекой небритой изучая вены.
Не ссыте, не четвертую себя до того,
Пока не сумею прочесть

Все четыре.

Юля Гавриш

2035 год

Мы сидим на старом заброшенном рынке недалеко от центра города. На месте каждого обветшалого торгового прилавка оборудованы импровизированные нары – под навесом привинчено по две полки, часть из них уже обвалилась. Мы сидим прямо на земле среди разорванных картонок, ржавых банок из-под консервов, огрызков, посеревших от времени пакетов и груд пепелищ от костров – всего того, что смутно указывает на угасший в развалинах быт. Фельдман сидит чуть левее от меня на корточках, Сева справа, привалившись к бывшему дощатому прилавку. Он рассеяно крутит в руках что-то похожее на самокрутку, но не курит ее, а отгрызает небольшие кусочки, раскатывает языком по небу и сплевывает. Сегодня он особенно задумчивый и, кажется, с некоторым удивлением всматривается вглубь себя. Сева крупный, стройный мужчина с холодными серо-зелеными глазами. От него странно пахнет: как будто табаком и парным молоком одновременно (по-моему, так пахло от отца в далеком детстве, хотя я не могу точно вспомнить). Теперь я знаю, как обманчивы запахи, и больше им не доверяю. Впрочем, если бы я доверяла всему, что вижу и чувствую, то Севу описала бы как мечту каждой женщины о заботе, защите, тепле. От Севы исходят тугие, будто осязаемые волны доброты и мудрости. Когда он улыбается, то не смотрит мне в глаза,

а улыбка выходит немного смущенной и грустной. Когда я смотрю на его губы, мне становится страшно. Тогда я начинаю думать о чем-нибудь другом... Не о его руках, не о том, как тепло было бы, наверное, свернуться калачиком у него на груди. Я заставляю себя думать о солнце, о воздухе, о жизни – в таком ее буквальном, незатейливом проявлении – как когда-то давно, в детстве. Тогда жить значило бежать босиком по бескрайнему деревенскому полю, залитому солнцем. Я представляю, как вдыхаю запахи лета, шуюсь на солнце, чувствую ветер на лице – и больше ничего не нужно. И никого.

Фельдман проще Севы – он опасный, и это видно сразу. Точнее, не видно – чувствуется. И когда я смотрю на него, мне сложно изменить ход мыслей – сложно не поддаваться его очарованию. Иногда, мне кажется, это его заслуга, и я задаю себе вопрос: а так ли я свободна от него, как мне бы хотелось думать? Конечно, я прошла длинный эволюционный путь – я контролирую в себе женскую энергетику, могу хотеть или не хотеть мужчину, могу любить или не любить... Я давно поняла, как это работает – все, что мы чувствуем, – это наше решение. И если цена ошибки твоя жизнь, то обучение проходит очень быстро и решения ты принимаешь верные. Но как же страшно переоценить свои возможности и посчитать себя неуязвимой перед такими, как Сева или Фельдман. Наверное, это, как если бы рыба решила, что контролирует человека только потому, что может в отличие от него дышать

под водой...

По какой-то неведомой мне причине я важна для них обоим – поэтому это единственное место, где я какое-то время могу сидеть спокойно. Впрочем, спокойствие – не совсем подходящее слово. Сева и Фельдман вампиры. Как только их начнет мучить голод, они увидят меня другими глазами, и, хотя я не потеряю в их глазах приятности, проблем у меня сразу прибавится. Я всматриваюсь в глаза Фельдмана, стараюсь не пропустить тот самый момент, когда благодущных золотых рыбок сменит бездна, стремительно жрущая его рассудок, вынуждающая рваться ко мне со страстью безумного любовника, но лишь для того, чтобы погубить.

– Опять бегаешь? – спрашивает меня Фельдман.

В нашу новую эру «бегать» стало привычным состоянием для людей. Для большинства – это единственный способ передвижения по городу. Вопреки мнению, вычитанному нами когда-то из книг, что вампиры не выносят солнечный свет, скажу, что это неправда, выносят. Они мало чем отличаются от людей внешне и даже способны разделять наши чувства и эмоции, но, увы, недолго. Ровно до первых голодных схваток. Пока они не голодны, то сливаются с фоном, мимикрируют под *homo sapiens*, оставляя нам слабую иллюзию привычного мира разумных людей. Но мы не обманываемся. Со временем у многих из нас до невероятной степени развилась интуиция – только так ты чувствуешь возле себя вампира, особенно того, кто выбрал жертвой именно тебя. Эта инту-

иция – единственное, что продлевает бессмысленную жизнь добычи. Вампирам проще находить нас – у них совершенное обоняние. Свою жертву они способны учуять на расстоянии в несколько километров. Вот почему, если на тебя началась охота, бег становится образом жизни. Только постоянно перемещаясь в пространстве, ты сбиваешь с толку охотника. День за днем, неделя за неделей. И при этом нельзя забывать, что бегаешь ты все равно среди других вампиров, а значит, рискуешь в любой момент нарваться на того, кто голоден. И тогда ты либо успеешь молниеносно принять верное решение, либо погибнешь. За последние несколько лет люди обзавелись не только сверхчеловеческой интуицией, наш разум тоже трансформировался в соответствии с новой средой обитания – мы больше не рефлекслируем, не рассуждаем, не запоминаем лишнего, не учим то, чему нет практического применения. Зато у нас очень развился понятийный аппарат, а самая важная функция – принятие решения – стала основной. Среди нас есть рефлекслирующие исключения, и я одна из них. Со мной всегда было что-то не так. В эту новую эпоху для меня изменилось многое, кроме этого... Наверное, эта слабость однажды станет причиной моей смерти.

– Примерно неделю до того, как встретила вас, если тебе это о чем-то говорит, – ответила я Фельдману.

– Знаешь охотника?

– Нет, точно не знаю. Кто-то из недавно обращенных, раз так долго пробегала.

Мы смеемся. Это может показаться странным, но мне уютно. От Севы и Фельдмана исходит столько любви – намного более сильной, мощной, чем я когда-либо чувствовала от людей. Это похоже на страсть, но она другого порядка... Когда только все началось (а начало растянулось на годы, поскольку вампиров долго никто не идентифицировал как врагов человечества), первые жертвы были, грубо говоря, добровольцами. Жертва редко понимает, что она жертва. Особенно если мы говорим о том поколении людей, которое не понимало вампирской природы и которое само не претерпело изменений. Первая встреча с вампиром (особенно с твоим охотником) всегда похожа на любовь – на любовь, которой у тебя никогда не было, о которой ты бы и мечтать не мог. В каком-то смысле мы все друг друга едим. В метафорическом смысле, конечно. А вампиры – буквально. Может быть, по этой причине их жажда наполниться тобой так откровенно притягивает, она так материальна, осязаема, что слабая человеческая природа не может сопротивляться заложенному в ней механизму – ответить на запрос взаимностью. Это и есть точка невозврата. Ответить взаимностью вампиру – все равно, что позволить укусить себя ядовитой змее. После этого вся твоя жизнь – скорость действия яда, который мешает сопротивляться собственной гибели.

Нет, вампиры не сжирают нас и не выпивают досуха, как в тех фильмах, что мы смотрели до краха цивилизации. И хотя предчувствие конца в кино и прозе было зафиксировано до-

статочно точно, с документальной точки зрения, погрешностей немало. Вампиры не истребляют людей – без нас эти высокоразвитые паразиты не смогут существовать. Мы даже не их основная пища, но если человек жив духом божьим (как мы это называли когда-то), то вампир жив духом человеческим. Мы наполняем его жизненной силой, но не способны убить. Мы не в силах бороться с тьмой, потому что не являемся источником света этой Вселенной. Так что кровь в этом смысле не более чем удобная форма поглощения человеческого духа, опосредованно – божьего, а голод их сильнее того, что испытываем мы, пропустив обед. Вампир может высасывать свою жертву долго, может даже создаться иллюзия приятной совместной жизни, или взаимовыгодного симбиоза. Вернее, этот симбиоз был бы взаимовыгоден, если бы не нес человеку верную гибель.

Чем сильнее жертва – тем меньше эти отношения напоминают симбиоз. Если человеку удастся противостоять вампиру энергетически, если он не позволяет обмануть свои чувства, он все равно не побеждает – с ним перестают церемониться. Как люди когда-то теряли на охоте самообладание, как приходили в ярость от того, что их обманул дикий зверь, как сводили они счеты с тем, кто всего лишь пытался выжить, так и некоторые вампиры часто воспринимают наше противостояние как вызов. В состоянии уязвленного самолюбия они могут порвать на части, затравить, выбрать любую другую изощренную смерть, но, конечно, не пощадить.

Впрочем, никто и не ждет от вампиров милосердия, сопротивляться или нет – наш свободный выбор. Но кто-то ползал на карачках еще до прихода их к власти, а кто-то всегда встречал смерть, стоя перед врагом до последнего.

Древних вампиров можно сравнить с дремлющим вулканом, их огонь активизируется по неизвестным науке законам. Что они испытывают к человеку? Наверное, нелюбовь и только. Но отсутствие любви в древних превращается в ненависть в обращенных вампирах – бывших людях, потерявших дар божий, свет, способность к созиданию. Среди вампиров есть свои шакалы, как и среди нас – дикие, бездумные твари, интеллектом напоминающие животных, которые не заботятся ни о манерах, ни о собственном будущем, – они гонятся за нами, как алкоголики гонялись в прошлом за бутылкой. Разница только в том, что независимо от того, презираешь ты их или нет, для человека исход этой встречи всегда один – смерть.

– Ей нужно поспать, – внезапно говорит Сева своим бесцветным, но бархатным голосом. Как по команде, Фельдман поднимается, смотрит на меня тем странным взглядом – как у голодного пса, клячущего у хозяина еду, и медленно уходит прочь.

– Тебе нужно поспать, – повторяет Сева еще раз, повернувшись ко мне. – Неизвестно, насколько это...

Я поспешно киваю, потому что не хочу, чтобы он вслух говорил то, что я и так знаю. Я отвожу от него глаза, потому

что на меня снова потоком обрушиваются воспоминания. А воспоминания в таком случае – это самоубийство. Воспоминания возвращают к прошлому, которого нет, мешают рационально оценивать настоящее, затуманивают мозг. Если бы у нас до сих пор выходили законы, то память нужно было бы запретить. Может быть, даже делать людям лоботомию – и это была бы самая действенная мера по сохранению нашего вида. Но, увы, большинство законов рухнули, как картонная декорация, как только первая заповедь «Не убий» перестала иметь значение. Можно было бы сказать, что мы вернулись во времена древних войн, но это не так – на войне можно безразлично относиться лишь к смерти врага. Твои близкие, друзья, сослуживцы должны жить, а их смерть всегда остается значительной трагедией. Но сейчас все изменилось. В обществе, которое множилось и делилось на всевозможные социальные группы и классы, остались лишь две категории: скоты и повстанцы. Можно было бы еще вспомнить скитающихся по лесам, не попавшим пока в лапы вампирам несчастных. Но посмотрим правде в глаза: их скоро определят, если они не определяться сами.

Среди невольных скотов семья – это абстракция, ничья смерть никого не волнует. У них больше нет близких, нет друзей, нет сочувствующих соратников – они послушное сдавшееся стадо. Повстанцы – вольные люди, те для кого свобода и жизнь – тождественные понятия, те, кто смог преодолеть страх на эволюционном уровне. Мы другие, но тоже

не позволяем себе привязанностей, не можем иметь семью в том виде, в каком ее знали в прошлом. О тех днях остались лишь воспоминания, и каждый, обладающий хотя бы крупицей разума, мечтал бы от них избавиться.

Сева. 2015 год

Потеряла сережку, что грела каплей рубина.
С крошкой смахнула, со столика, летом, на даче.
По весне уступила подруге кольцо.
Не смотри под крыльцом, и в грязи не ищи, и не плач,
Ну же вытри лицо – на морозе теперь камня ярче рябина!

Потеряно лето. Где-то звякнет еще серебром,
И рубиновым светом поманит сережка.
Зреет горечь, красным словом сыпется морок.
И так дорог твой слог! И так ненадежна застежка,
И на холод лишнее ноет ребро...

По весне, под крыльцом мы найдем оловянную ложку.
Почерневшая ножка, но еще не худое черпало.
Береги ее пуще любого металла,
Пуще рубинов и красных рябиновых слов.
Береги пуще снов в своей памяти то, что навеки пропало.

Юля Гавриш

Но воспоминания не уходят. Севу я знаю с детства. Наши матери и отцы дружили между собой, когда еще не были женаты. Сева старше меня всего лишь на несколько месяцев, и иногда я думаю, что моя мама родила меня, чтобы не отставать от любимой подруги. Не то чтобы в детстве мы

с Севой особенно дружили – мы были неизбежностью друг для друга, как брат с сестрой, данностью, которую не изменить, поэтому приходится с ней мириться. Сева был всегда талантливее меня, и поэтому я злилась на него, злилась, что он постоянно отнимал у меня все внимание взрослых, о зависти я тогда еще не знала. Вроде бы потом, когда мы стали старше, я стала первой подростковой любовью Севы просто потому, что, если кто-то постоянно маячит у тебя перед носом, а альтернативы нет, он становится неизбежным объектом и выбором. Я не знаю, почему мы всегда были так близки и почему никогда не были вместе, – так сложилось. Помню только, что там, в другом мире, где все было разумно и, как теперь, кажется, издавека, безоблачно, он всегда был в моем сознании. Чтобы я ни делала, с кем бы я ни находилась, Сева всегда был со мной – не вызывая особенных эмоций, тоски или надрыва, – он был частью моей реальности, каким-то вечным детством в моем внутреннем мире.

Мы оканчивали разные школы, но не было ничего удивительного, что выбрали один вуз и один факультет – журналистики. Тогда мы, как в детстве, стали снова соревноваться, но недолго. Сева вырвался вперед снопом яркого света, слепящей силой разума и таланта. Я восхищалась. И просто смотрела, как он летит на бешеной скорости, далеко впереди нас всех, его сокурсников, совершенно точно к славе и успеху, как нам тогда казалось. Я читала работы Севы с каким-то тупым недоумением: как я могла не написать это?! Все, что

он описывал, безусловно, все знали и видели, но никто не смог подобрать нужных слов, никто не замечал очевидной сути, никто не мог четко сформулировать эти простые логические конструкции, но они словно были всеобщими. Это было гениально – потому что оставляло у всех одно чувство. «Я же всегда это знал!» Тот же эффект Сева производил, произнося речи – с малолетства владея ораторским даром, он моментально увлекал любую аудиторию, заставлял людей погружаться в создаваемую им реальность. Иногда меня посещают кошунственные мысли, что еще до того, как стать вампиром, он был на них похож, в том смысле, что ему были доступны их способности – способности властвовать над умами, чувствами, управлять человеческим нутром.

Стоит ли говорить, что девчонки бегали за Севой с фанатичностью загипнотизированных обезьян?! Женщины были готовы на все ради Севы, а он никогда никем не увлекался, ни в чем себе не отказывая. В институте мы дружили, и эта дружба так очевидно не походила ни на что другое, что я не вызывала у его поклонниц ни зависти, ни ревности. Между прочим, напрасно, потому что перед малочисленными друзьями Сева открывался, допускал сближение. Не то чтобы он доверял мне как себе, но точно больше, чем другим. Мы могли старательно обходить темы и публикации наших статей, и востребованность его рассказов, но часами говорили о мире вокруг нас. Мы часто мечтали вместе о том, где будем путешествовать, какими будут наши дети, и, конечно, о

природе отношений мужчин и женщин. При этом никогда – о нас самих.

Я отчетливо помню тот день, когда я впервые поняла, что потеряла Севу. В то время он уже носил очки (которые ему ужасно шли). Мы сидели с ним на бульваре за институтом на лавке, была осень, я курила и смотрела, как дым рассеивается в холодном трезвящем воздухе октября. Сева долго молчал, снял очки, тербил их в руках, тер стеклами о джинсы, потом, не поворачивая головы в мою сторону, выдохнул:

– Ее зовут Рита.

– Ты ее любишь?

– У нее такие же серые глаза, как у тебя.

– У меня не серые глаза, Сева.

– Не важно, она...

– Она тебя любит?

– Она так любит меня, что на это невозможно не отозваться.

У каждого из нас крушение нашего мира выпало на разные даты – у кого-то началось с личной трагедии, у кого-то уже с общей катастрофы. Я веду личную летопись Страшных Дней именно с этого момента, когда я узнала от Севы о Рите. Это был наш последний учебный год, но мы с ним почти не виделись. Совмещая с подготовкой к госам с регулярными публикациями по теме школьного образования, Сева готовил свой первый проект (именно он и сделал его потом достаточно известным и влиятельным человеком в опреде-

ленных кругах). Впрочем, занятость была лишь отговоркой – редко виделись мы из-за его женщины. На моем дне рождения весной мы впервые встретились на семейном празднике парами – Сева с Ритой, я с будущим мужемлевой. Внешне все было мило (всегда ненавидела это слово), но что-то было не так. Все свои ощущения я списывала на свою ревность, но объективно – что-то было не так. Я пыталась объяснить это мужу. Но он не знал Севу и ничем не мог мне помочь.

– Знаешь, – говорила я ему, – Рита изменила Севу, мне кажется, она его душит...

– По-моему, она его во всем поддерживает. А если мужик подкаблучник, то тут не женщина виновата.

Сева не был подкаблучником. Я это знала. Но я перестала чувствовать его эмоционально. Я перестала считать его мысли. Я перестала его узнавать. И это было странно. А может быть, так всегда бывает, когда двое образуют одно и тебя уже нет по-настоящему с кем-то из этих двоих?!

Прошло лет пять или чуть больше, когда однажды Сева позвонил мне и попросил о встрече. В то время он уже работал в Министерстве образования, считался молодым и перспективным реформатором и получил какую-то научную степень за тот самый проект, который начал готовить еще в институте. Сева написал роман и хотел, чтобы я его прочла. Я всегда считала, что Сева был бы самым известным писателем нашего века, но почему-то меня удивило, что речь шла именно о романе. Да и голос у него был странный, как буд-

то он смущался того, что написал. Любой из моих сокурсников смущался бы, давая прочесть первый роман, но только не Сева. Он всегда знал, что талантлив, он никогда не сомневался ни в одной своей строчке – или по крайней мере не показал бы ее никому, пока бы не довел до совершенства.

Мы договорились встретиться на нейтральной территории, в кафе. Помню, как сидела за столиком, смотрела в окно и больше всего на свете боялась, что его не узнаю. Вдруг на пороге выросла знакомая фигура, в реальности чуть меньше и изящнее, чем казалась в воспоминаниях. В руках Сева держал распечатанную рукопись. Пока он выкладывал на столик у металлоискателя мелкие предметы из карманов, я заметила, что у него дрожали руки. Он уронил ключи. Когда он подошел к моему столику, еле смог посмотреть в глаза. На самом деле нас обоих потряхивало – хотя мы и не понимали, что с нами происходит. По крайней мере я точно не понимала. Он тяжело опустился за стол, положил на него рукопись и пододвинул ко мне.

– Как ты? – спросила я, вглядываясь в его осунувшееся посеревшее лицо. Такое родное в прошлом и такое чужое теперь. Странно, я давно не видела Севу без очков...

Он поднял на меня глаза и улыбнулся краешком губ.

– Все хорошо, милая, – просто устал.

– А твой роман – глоток воздуха творческого человека, погрязшего в политике?

– Нет... Нет. Я не знаю. Я не ищу критика, мне не нужна

профессиональная оценка. Мне нужен кто-то близкий, кто поможет мне разобраться. В этом романе очень много меня. Или уже не меня, я не знаю.

Сева закрыл руками лицо, потом стал тереть указательными пальцами виски. Потом взглянул на меня, лицо озарилось его прежней теплой улыбкой – и я почти поверила, что он просто устал... Но в глубине души я уже точно знала – не просто. Все очень и очень не просто.

Нужно ли говорить, роман Севы описывал будущее человечества? Ужасное будущее. Мой лучший друг всегда был самым тонким и чувствительным человеком из всех, кого я знала. Но он не только чувствовал окружающий мир, видел малейшие в нем колебания, предвосхищал события – он был всегда честен сам с собой, поэтому его роман был дневником откровений. В нем было столько реалистичной физиологии, столько правды, что иногда, мне казалось, автором просто не может быть мой Сева. Но это написал он, написал, как потом выяснилось, книгу моего спасения.

Главным героем романа была Рита. С первых страниц он называл ее вампиром, но я, конечно, не сразу поняла, что это не метафора. Даже когда он описывал про обязательный в их семье забор крови, о том, как формировала его рацион, добываясь нужного химического состава и определенных реакций. Про то, как по ней Рита могла определить физическое состояние Севы. Я читала о воспитании кровью и видела метафоры. Я думала, это художественный прием, дума-

ла, что Сева проводит параллель между отношениями людей, что пишет о крови как о внутренней силе и энергии... О боже. Все до последнего слова в этой книге была переложенная на страницы правдивая трагедия в деталях. Лично его трагедия, которая стала впоследствии всеобщей.

Рита

В нашу жизнь вампиры вошли осторожно, под масками «безобидных» социопатов, нарциссов, их можно было принять за крайне эксцентричных личностей, моральных уродов, психопатов, но людей. Мы слишком долго принимали их за своих. А кому бы пришло в голову взять у своей жены анализ крови на основании того, что она психически тебя подавляет, заставляя усомниться в собственной разумности, совершая безумные поступки?! А ведь только такой анализ показал бы мизерное количество красных телец, при котором люди не живут...

Рита работала ассистентом в Исследовательском институте генетики. Сейчас мне уже не кажется странным, что это была кафедра исследований крови и ДНК. Она была необычайно талантливым перспективным ученым, Сева читал ее доклады, методички и совсем не удивлялся поздним звонкам профессора Лобовского, который был без Риты «как без рук». Когда Сева с Ритой съезжались, из вещей у нее было только небольшое трюмо, специальная холодильная камера и масса приборов, непонятного ему назначения. Даже когда Рите не нужно было в лабораторию, она возилась со своими многочисленными пробирками дома, смотрела в микроскоп, смешивала чудные на вид составы. Со временем Сева понял, что его женщина знает о ДНК больше, чем об истории Рос-

сии, разновидностях продуктов, доступных в пищу человеку, и, пожалуй, о самых насущных бытовых вещах – например, вопрос, при какой температуре кипит чайник, мог ввести ее в ступор. Это было странно, но так мило. Когда Сева удивлялся ее некомплектности в ряде общеизвестных понятий и знаний, Рита лишь морщила свой остренький веснушчатый носик и от этого еще больше походила на маленького рыжего лисенка, сбежавшего из леса. Она была очень похожа на зверька: смешного и в то же время опасного. Чувство опасности, которое охватывало при ней Севу, было необъяснимым, по привкусу напоминало какой-то чудаковатый оттенок страсти, потому придавало особую остроту и пикантность их отношению. Рита была загадкой: на фоне отсутствия элементарных практических знаний в своей области (да и во многих смежных) превосходила интеллектом и знаниями не только Севу, но и все наше окружение. Ему это льстило. Разве не Севе должна была достаться такая женщина? Разве не только такая имела шанс быть с ним?!

Несмотря на то, что оба были фанатично преданы своему делу, все свободное время они проводили за долгими разговорами. Только с Ритой Сева становился послушным и благодарным слушателем. Она могла рассказывать часами о самых удивительных способностях человеческой материи – о регенерации, функциях мозга, химии и физике, которые в органике создают магические комбинации. Когда она впервые взяла у него кровь для исследования, он не придал это-

му значения. Анализ в домашних условиях занял у Риты несколько дней, после чего она сунула ему с собой на работу толстую стопку бумаг формата А4. С изумлением Сева читал полное диагностическое исследование своего организма. По одному анализу крови Рита нашла у него ряд «залеченных» детских заболеваний и с точностью назвала процент пораженных кариесом зубов на текущий момент. Сева прочел не только о своем медицинском прошлом – но и обо всех хронических заболеваниях, которые могли бы грозить ему в будущем. Одним словом, это был полнейший генетический анализ, который мог бы полностью совпасть с картой прошлых и будущих болезней, сумеет он их сравнить...

Поражала его Рита и другими своими особенностями: у нее был чуткий слух, она очень тонко чувствовала запахи, ее чувственное тело откликалось на любой температурный перепад в доме. «То ли маленький зверек, то ли совершенно точный прибор измерения всего на свете» – смеялся Сева, но был, как никогда, прав. Помимо всех этих прелестей была и другая Рита. И эта другая Рита не была ни милой, ни забавной. Эта сторона натуры проявилась в ней не сразу, или Сева просто этого не замечал в первое время. Он очень любил ее, поэтому не видел никакого смысла ни в манипуляциях, ни во лжи с ее стороны – ей стоило бы только попросить, и он бы с радостью сделал для нее все что угодно. Но Рита не любила просить. Ей нравилось, чтобы ее воля не была заметна, чтобы только став данностью, только воплотившись в

совершенном им действии, ему становилось очевидно – так хотела она. Друзья Севы, которые не нравились ей, исчезали не потому, что она их не принимала, их прогонял он. Проявленная им жестокость к родителям исходила не от нее. Низкие поступки, на которые он прежде был не способен, были вроде его поступками, но... Она лишь улыбалась, глядя на его муки совести. В какой-то момент Сева уверился в том, что Рита знает его лучше, чем он сам. Она могла рассказать не только о его физическом состоянии и тут же объяснить любую незначительную невралгическую боль в любом суставе (по запаху?!). Она могла отвечать на его мысли, она забавлялась над его чувствами, его эмоции были для нее как детская карамель, разложенная на прилавке...

Однажды ночью Сева проснулся оттого, что его мучила жажда. Риты рядом не было, и, возвращаясь с кухни, по свету под дверью ее домашней лаборатории он понял, что она работает, и вошел без стука. Рита стояла в ночной рубашке, задумчиво глядя в окно, и пила из пробирки вино. Так он подумал, но уже спустя секунду почувствовал на лбу испарину – она пила кровь. «Может быть, его кровь?!» – пронеслось в его голове, но все что он смог выговорить, это довольно беспомощное «ох».

– Да, это твоя кровь, – повернулась Рита, глядя ему прямо в глаза и отвечая на незаданный вопрос. – А ты знаешь, что у тебя песок в почках уже три месяца? – добавила она, растирая остатки Севиной крови по полости рта.

– Н-е-е-т, – промямлил Сева, начиная сомневаться в том, что происходящее ненормально. – Как ты это поняла?

– По вкусу, – спокойно ответила Рита. – Или ты думаешь, это сложно определить?

Этот эпизод – один из первых «вамперских откровений» в романе Севы. После долгих и пространных размышлений о природе крови и способностях своей возлюбленной странице на сто первой или на сто пятой он уже не удивляется подобному. Научно обосновывая необходимость экспериментов с кровью, своими сверхспособностями, а главное, день за днем доказывая свое превосходство над Севой, Рита проводит все более изощренные эксперименты. В какой-то момент, уже переступив рубеж, когда кровь забиралась из вены с помощью иглы и шприца, пара превратилась во что-то единое, мысли автора романа, что я читала, стали путаться, стилистика казалась мне все более незнакомой, как будто Рита стала полноценным соавтором книги. И вот, к самому концу романа, Севы уже не было – была Рита, и она писала мне письмо. Она писала письмо мне, двадцатипятилетней девчонке, которая знала о вампирах только из книг и фильмов, мне, ничего не знавшей о ней, о Рите, так, словно писала старинной подруге. Она писала мне о том, чего я даже не могла себе представить.

Это было необычное чтение. До сих пор только читая Достоевского, я могла ощутить, что смысл, который пытается донести писатель, словно рождается внутри тебя. Пони-

мание, о чем он пишет, кажется собственным открытием – именно оттуда берется такое безграничное доверие к автору. Но ощущение от главы, написанной Ритой, было еще сильнее – то, что писала мне она, было непознаваемым (это было невозможно осмыслить), но вместе с тем казалось, я все это всегда знала. Если бы тогда я попыталась описать кому-нибудь свои чувства по поводу прочтения последней главы романа Севы, мне бы не поверили... Нет, варианта было бы два – либо меня бы заперли в клинике для душевнобольных, либо Сева получил бы Нобелевку. Но я не пыталась поведать миру о новом опыте. Я стала наблюдать, искать, готовиться к какой-то страшной и великой перемене, о которой мне сообщила Рита. Перемене, перед которой она поставила меня как перед фактом: «войны не будет, хищники не ведут войн с добычей». И в этом был и ее триумф, и ее ирония, и отражение садистской природы вампира. Было что-то, чего я, безусловно, не могла предугадать, а она точно знала. Рита стала первым охотником в моей жизни. Но тогда еще не существовало правил, по которым я впоследствии научилась жить.

* * *

– Сева, почему она обратила тебя? – спросила я его в очередной раз.

– Тебе нужно поспать, – повторил он меланхолично, вынимая изо рта самокрутку.

– Успею ли я выспаться?! – задумчиво обратилась я скорее сама к себе.

– Не знаю. Спи. Потом уходи.

Я подошла к навесу, подтянулась на руках и легла на полку. Как я уже говорила с тех пор, как все началось, наша физиология изменилась. С обретением нового хищника в эволюционной цепочке люди получили немало: например, необходимость во сне сократилась до часа (максимум трех) в сутки. Мы быстрее бегаем на длительные расстояния, меньше едим и при этом дольше живем. Конечно, каждый адаптируется по-разному, но лично мне повезло. Поскольку иметь детей в новом мире практически невозможно (их количество примерно трое на 100 взрослых), природа продлила нам жизненный цикл. По нашим прикидкам взрослая человеческая особь теперь способна прожить до 120–150 лет, если ее не убьет вампир (что маловероятно). Дети стали нашими идолами, богами, чем-то единственно по-настоящему ценным. Все это грустно, но, если бы мне сказали, что в 55 лет я буду выглядеть лет на 25, а чувствовать себя на 20, – я бы не поверила. Слабая компенсация, но хоть что-то.

Закрывая глаза, я ощутила на своей голове руку Севы. Теплую, как будто человеческую руку, а потом его бархатный голос ответил:

- Мы были особенные, убивать таких – расточительство.
- Кто «мы»? – уже сонно спросила я.
- Тебя она тоже не убила, милая, – ведь так?

– Еще не убила...

Я погрузилась в сон недостаточно глубокий, чтобы выспаться как следует, но достаточно крепкий, чтобы он снял все барьеры с моей души, снова стремящейся к губительным воспоминаниям.

Лева и Лобовский

Как бы я ни пыталась подавить эти самые опасные для меня воспоминания, стоит только дать слабину – и они со мной. Они делают меня беспомощной, мешают мыслить трезво, они тормозят мои реакции – я уязвима, когда живу прошлым. Но что-то в глубине души держится за мужа, как за последнюю надежду. Когда я засыпаю, то в сознании тут же загружается один образ. Тогда мы еще не были женаты, жили отдельно. Я заболела, и Лев привез меня к себе. Пока я лежала под пледом на диване, он работал на компьютере: щелк, щелк, щелк – монотонно щелкала мышка. Комнату заливал солнечный свет. В каком-то забытии мне стало казаться, что я лежу в доме своего детства, и пахнет так же, и это щелкают ножницы моей матери, которая занимается шитьем. Щелк-щелк-щелк, и птицы поют на улице.

Муж так и остался для меня домом – до самого конца. Точнее, до начала новой эры, когда человечество было вынуждено навсегда проститься с таким понятием, как «дом».

Муж был первым, с кем я поделилась своими предчувствиями великой беды. Но мы были с ним всегда такими разными... Такими убийственно разными. Он такой практичный, рациональный, уравновешенный, а я...

– Я люблю твои фантазии, Соня, но иногда ты меня пугаешь. Я боюсь, что однажды ты навсегда потеряешься в них и

не вернешься в реальность. Может быть, тебе нужно сходить к психологу, или выплесни уже свои фантазии со страхами на бумагу. Ты ведь журналист, ты должна строже относиться к себе и делать выводы, основываясь только на фактах. Фактах, понимаешь?

– Но я вижу...

– Ты видишь гораздо больше, чем обычные нормальные люди. За это я и люблю тебя, но, пожалуйста, повзрослей уже, я устал быть вечным взрослым в нашей семье.

Странно, но иногда самые бессмысленные разговоры ведутся с самыми близкими людьми. А вот самые мудрые решения в нашей совместной жизни мы слевой принимали молча. Почти молча. Когда он начал замечать то же, что и я, то стал произносить еще меньше слов. Все выглядело как обычно, если не вдумываться, то можно было сказать, что в стране политическая обстановка становится все более напряженной, что мы возвращаемся к диктатуре, что людям оставляют все меньше прав, что в рядовых гражданах нарастает агрессия и что власти позволяют себе все больше произвола. Все как обычно, одним словом. Но во всех событиях прослеживалась какая-то странная закономерность, последовательность, логика – как будто все складывалось стихийно, будто все осуществлялось умыслом одного разума, проявлявшегося во всех событиях.

Я долго думала, что профессор Лобовский – темный персонаж и, раз Рита работает в его лаборатории, его следует

опасаться. Когда он впервые связался со мной, я испытала странное сочетание беспокойства и одновременно облегчения. Как будто назревшие во мне беспочвенные страхи наконец-то обретут лицо и форму, и даже если ко мне пришел враг – пусть лучше так, пусть он будет реальностью, а не моей больной фантазией.

Мы договорились, что Лобовский придет к нам вечером после работы. Муж давно уже не удивлялся моим знакомствам – как журналист, я обзавелась достаточно широким кругом друзей-приятелей в разных сферах. Обычно Лев не интересовался каждым из них, но такие, как профессор, его интересовали. Он часто сетовал на то, что общество деградирует без науки, сожалел о том, что после аспирантуры не уехал за границу, чтобы продолжать научную работу, а те, кто остался на этом поле, казались ему особенными, разумными, правильными. Одним словом, муж ждал встречи с Лобовским с не меньшим нетерпением, чем я, хотя мотивация была другой.

Я никогда не видела профессора, но много слышала о нем от Севы. У меня создался образ какого-то седого старца, похожего на Гендальфа из «Властелина колец» – великого и могущественного. Но, когда я открыла дверь, с изумлением обнаружила на пороге жилистого, подтянутого мужчину средних лет, в обычном костюме, правда чуть большим ему по размеру, чем нужно. У Лобовского были очень внимательные, живые и в то же время добрые глаза с глубокими

морщинами в уголках, которые говорили о том, что он мастер пошутить и посмеяться.

– Здравствуйте, Юрий Аркадьевич, – я отступила в сторону, пропуская его в нашу квартиру.

– Здравствуйте, Софья, – улыбнулся Лобовский. – Где вы будете поить меня чаем? – спросил он, протягивая то ли конфеты, то ли пирожные.

Из кабинета вышел муж, и мы прошли в гостиную, к накрытому столу. Пока я разливала чай, Лобовский сидел, не оглядываясь по сторонам, не выражал обычных вежливых восторгов по поводу нашего интерьера. Он молча ждал, пока я сяду, и тогда я заметила, как он напряжен и озабочен.

– Соня, я пришел к вам как к другу Севы. Пришел, потому что совершенно уверился в том, что мир меняется, и самое веское и наглядное тому доказательство – это перемены, которые произошли с вашим другом детства.

Я посмотрела на мужа, но он внимательно смотрел на профессора. Меня часто обижало, что Лев прислушивался к другим людям, являющимся для него большим авторитетом, чем я, и верил тому, что они говорили, хотя говорили они о том же. Я обижалась, но только не в этот раз. В этот раз я понимала, что наконец-то к нам пришел человек, который сможет сформулировать то, чему я никак не могла подобрать слов.

– Все началось с Риты, верно? – тихо спросила я.

Лобовский кивнул, уставившись в одну точку посреди

стола, и машинально отхлебнул чай.

– Я познакомился с Ритой в вузе, где вел лекции, когда она его оканчивала. Рита была выдающейся выпускницей. Я никогда не встречал таких одаренных студентов – разумеется, я пригласил ее работать в свою лабораторию, и несколько лет мы отлично ладили. Да, что там говорить – ладили. Я очень любил ее, и долгое время мне казалось, что эта любовь взаимна. Не знаю, встречались ли вы с ней лично, но, если нет, я попытаюсь вам объяснить. Рита завораживает. Она умеет так смотреть в душу, что у тебя создается впечатление, будто ты начинаешь читать ее мысли, видеть ее чувства, ты начинаешь так хорошо понимать ее, что в какой-то момент...

– Начинаешь терять себя, – почему-то вырвалось у меня.

– Да, – профессор впервые поднял на меня глаза и с удивлением спросил: – Так вы ее знаете?

– Нет, я, но я знала Севу, – почему-то в прошедшем времени ответила я.

– Сева... Да, с Севой я познакомился позже, но еще успел застать его таким, каким его знали вы, – Лобовский откинулся на спинку стула, прикрыл глаза. – Давайте, я сейчас начну вспоминать моменты, которые убедили меня в том, что происходит что-то страшное.

Когда я впервые познакомился с Севой, он как раз готовил законопроект в сфере образования, и шел он не гладко. Насколько я понял, главной причиной конфликта с его коллегами стал религиозный вопрос. Список обязательной к

прочтению литературы в школах постоянно корректировался последние годы, но в конечном итоге из него практически ушла вся классика, все произведения, в которых в том или ином виде поднимался вопрос религии, глубокие нравственные вопросы, мораль. Все эти реформы ассоциативно возвращали меня во времена Советского Союза, когда из нашей идеологии методично вымарывался бог, но даже тогда никто не посягал на произведения, по сути, являющиеся столпами нашей цивилизации, общества, культуры. Насколько я понял, Сева как раз боролся с этим опасным вектором, отстаивал авторов, искал компромисс с законодателями и в конечном счете составил аргументированный список произведений, привел мощную доказательную базу, статистику в пользу великих русских и зарубежных классиков. Его законопроект вызвал большой резонанс в Министерстве образования – у него появились серьезные враги. Но, вы же знаете, он не из пугливых, он понимал, за что борется, и понимал, чем рискует. Чем большее сопротивление он чувствовал, тем больше уверялся в своей правоте. О том, что Рита не поддерживает мужа, я узнал от нее. Она всегда высказывалась прямо и открыто, ничуть не смущаясь, как воспримет собеседник ее слова. Рита не только была яркой сторонницей реформы образования, должной свести к минимуму такие предметы, как литература, история религий, русский язык, но и считала обязательным введение новых дисциплин, казавшихся абсурдными и нелепыми. Я мог бы решить о себе,

что я просто костный, отживший свое старый гриб, который всем своим существом противится естественному течению времени и свойственным этому процессу переменам, но меня смущало другое.

Поведение Риты все меньше напоминало поведение научного сотрудника, мне часто казалось, что я имею дело с каким-то древним варваром, который пробует на вкус химикаты, потому что не представляет себе последствий, но в отличие от этого варвара не только не умирает, но... Боже мой, выдает результат двухнедельного теста. Рита превратилась в какой-то живой анализатор, усовершенствованный коагулометр, и самое страшное во всей этой истории – меня это ничуть не удивляло. Я видел, как она пробовала кровь на вкус. И даже это меня уже не удивляло. Удивило меня другое.

Однажды вечером я пришел домой к Рите и Севе – мне нужно было забрать кое-какие бумаги, а заодно я хотел повидать его. Видимо, я не напрасно испытывал тревогу, потому что Севу я не узнал. Передо мной сидел осунувшийся, постаревший, равнодушный ко всему человек. Он выглядел изможденным, обессиленным... А ведь Рита не говорила мне, что он болен.

– Сева, что с тобой? – спросил я, опустившись перед ним на колени.

Он поднял на меня глаза, и я ужаснулся. Это были пустые глазницы, а не глаза. Сухими, как пергамент губами, он прошептал:

– Я проиграл, профессор.

– Кому, кому ты проиграл?

– Он проиграл свою войнушку в министерстве, – холодно и резко ответила Рита. – Его проект запороли, потому что это была глупая попытка сопротивляться неизбежному. Да, он не может пережить этот удар. Вы же знаете: Сева у нас царь, Сева у нас гений, Сева у нас не проигрывает. Но он ведь, правда, очень талантливый? – спросила она меня, широко улыбнувшись своей белоснежной улыбкой.

– К-к-конечно, да. Но, Рита, он же болен! Он же серьезно болен. Это не просто психосоматика – ему нужно в больницу, на обследование!

– Профессор, зачем врач человеку, женатому на лучшей лаборатории страны? – это было неуместно, жутко, но Рита расхохоталась. – Я знаю об организме моего мужа все! Даже больше.

– Она знает все, – Сева снова подал голос, его рука поднялась и безвольно опустилась на ручку кресла. На минуту мне показалось, что это был не голос Севы, а эхо голоса Риты. Мне стало страшно.

– Юрий Аркадьевич, – я впервые решила его перебить, – Сева давал вам читать свой роман?

– Нет, что за роман?

Я вышла из гостиной и вернулась с рукописью. Он взял ее и убрал в своей портфель (впоследствии он станет его настольной книгой и поможет нам понять еще очень многое о

наших врагах).

Мы все трое молчали, и первым это молчание нарушил Лева. Мой Лева, который никогда и ни во что не верил, кроме того, что видел своими глазами или о чем прочитал в научных изданиях...

– Рита, что – вампир?

Лобовский посмотрел ему прямо в глаза и ответил:

– Нам так много предстоит узнать о том, что это значит, правда, мой друг?

После ухода Лобовского мы с мужем долго молчали, переместившись в его кабинет на большое кресло. Как будто всего за один час времени мир вокруг нас изменился. Что-то глубоко внутри мешало верить в этот бред, сопротивлялось, молило оставить все на своих местах. Но еще явственнее мы испытывали ощущение конца. Никогда, ничего не будет как раньше. Я села на колени к мужу, он обнял меня, и мы сидели, тихо прощаясь с нашей жизнью.

– Помнишь, – сказал муж, – месяц назад у соседей из второго подъезда умер ребенок? Странно умер, а мать жаловалась, что к ним даже никто не пришел – ни из полиции, ни из детской поликлиники, никто не пытался узнать, что это за болезнь. Мы думали, мать сошла с ума от горя, когда она рассказывала, что сама отправилась в деревню и там похоронила сына на старом кладбище... И никто, никто даже не спросил ее, где ребенок?

– Помню.

– Мы теперь никому больше не принадлежим – только друг другу.

– Я боюсь, что теперь мы не принадлежим даже богу. Хотя, нет, теперь я ничего не боюсь, – вдруг вырвалось у меня. – Всю жизнь я боялась своих детских кошмаров, боялась темноты и собственных фантазий. Я боялась оставаться дома одна – потому что в каждом углу пряталось чудовище. Для меня они впервые вышли из своих темных углов. И, как только я с ними встречу, я перестану бояться их окончательно. Ты прав, я чувствую себя намного свободнее, чем раньше.

Лева странно посмотрел на меня, прижал к себе, потом ссадил с колен и, повернувшись к компьютеру, начал что-то судорожно искать в интернете. Я поняла, что он ищет. То же, что искала бы я, – будь мы хоть немного похожи. Он искал место, куда можно было сбежать. А я отправилась искать Риту. Как выяснилось намного позднее – я всегда искала именно ее.

* * *

Когда я проснулась, Сева все так же сидел напротив меня, привалившись к прилавку. Не изменилась поза, не изменился взгляд.

Несмотря на то, что последние четверть века я потратила на то, чтобы найти как можно больше слабых мест вам-

пиров, особенными успехами похвастаться не могу. Одно из немногих их слабых мест – это время. Точнее, время само по себе им совершенно не вредит, именно поэтому его для них как будто не существует. Они не чувствуют его, плохо в нем ориентируются, существуют параллельно времени, которое для нас, людей, хоть и изменило скорость течения, по-прежнему остается верным ориентиром. Одна из важнейших перемен в нашей жизни (к которой мы с Лобовским имели прямое отношение, по крайней мере в России, где бы она теперь ни начиналась и ни заканчивалась) – это отказ от места жительства. Именно повстанцы отказались от того, чтобы жить колониями по определенным адресам, но и другие люди, не пытающиеся оказывать вампирам сопротивление, постоянно меняли локацию, прячась в лесах. С точки зрения географии мы же были кочевниками – одиночками, встречались не столько в определенных местах, сколько в определенное время. В прошлом поселения свободолюбивых граждан вампиры вычисляли слишком быстро, но к нашим «календарным» встречам приноровиться они не могли. Конечно, отказаться от постоянного лагеря не удалось, и я расскажу о нем, но таким, как я, пришлось навсегда проститься с мечтой обзавестись домом.

Как я уже сказала, после краха люди разделились сначала на два лагеря, а потом из них стали формироваться буквально две различные расы (не считая третьей группы, которая рано или поздно исчезнет, разделившись между двумя

основными). Если человечество протянет еще пару-тройку веков, думаю, это будут два противоположных вида. Я уже упоминала о тех, кто всегда ползает на карачках, и тех, кто умирает стоя. Оказалось, что единственное принципиальное отличие людей в новой реальности – не цвет кожи, не половая ориентация, не религиозные убеждения. В новую эру человечество делит на две части только страх. Первые – запуганные новыми мировыми порядками, умирали на карачках, послушно подставляя вампирам свои шеи. Ими питались без удовольствия, но берегли как скот. От мысли, что вампиры теперь напоминают мне рачительных американских фермеров, я улыбаюсь и готова плакать одновременно. Человеческую расу нельзя истреблять по той же причине, по которой мы, будучи хозяевами мира, не убивали животных. Не из милосердия, только не нужно приплетать сюда это... Мы были и остались пищей для вампиров, но одни стали скотом – другие диким зверем. Когда-то и человек вывел для себя удобное в быту мясо – жирных свиней, глупых кур, спокойных коз. По такому же принципу вампирами взращивалось новое поколение людей, которые не только служили пищей, но и работали, создавая необходимые продукты для поддержания собственных же штанов. Эволюция сыграла с этими людьми злую шутку – стремясь сохранить свою жизнь любой ценой, предав всю нашу веру, культуру и достоинство, они заплатились за это той самой жизнью – буквально, ее продолжительностью. В неволе люди теряют годы жизни и фи-

зическое здоровье вместе с разумом – все очевиднее с каждым поколением. Их детей мы, повстанцы, больше не считаем людьми, мы называем их ублюдками. Звучит жестоко, но, если мы эволюционируем (пусть и чудовищным меньшинством), дети невольных рождаются все более уродливыми, слабыми, больными. Некоторые из них уже даже не могут полноценно работать. Лобовский рассказывал, что во время последнего разгрома овощной базы (которые мы совершаем с регулярностью, недоступной для понимания вампиров) повстанцы нашли ублюдка, который уже проворно бегал на четвереньках и мычал. Увидев наших, он даже не смог крикнуть, чтобы позвать на помощь. Если бы он мог вилять хвостом, то вилял бы, но до хвоста там еще придется просуществовать пару поколений. Не то, чтобы мы презираем невольных, мы отдаем себе отчет в том, что людей, лишенных возможности выращивать овощи и злаки, разводить скот, шить одежду, спасет только труд этих несчастных. Мы смотрим в бессильной злобе на то, как безвозвратно уходит та часть человечества, которая в свое время была соавтором последней цивилизации. Когда-нибудь мы сможем отомстить врагу человека за всех нас, не важно, какой он теперь расы. Однажды мы сможем вернуть себе нашу землю. Я верю в это, потому что только этой верой можно заставить себя передвигать ноги. И бежать. Дикие звери верят в свои ноги, в свою территорию и в то, что живы.

– Сева, я заснула на самом интересном месте, – улыбнулась я, растягивая онемевшее тело.

– И надеюсь, выспалась. Уходи, – повторил все тот же бесцветный голос. – Фельдман вернется. Я не могу отвечать за нас обоих. Я не знаю, когда захочу есть.

– Я знаю. Я знаю, когда ты захочешь есть, – я засмеялась, потому что сама напонила себе Риту – жену Севы, которая так много о нем знала.

– Ты находишь это смешным? – но он тоже улыбался. – Что ты хочешь выведать, глупая ты кошка?! – Неужели ты думаешь, что, если я расскажу тебе что-то новое, ты сможешь что-то изменить?

– Нет, Сева. Не думаю. Но люди любопытны, как кошки, ты же помнишь, – я снова улыбнулась. Не ему, скорее себе.

Я встала, отряхнула штаны, завязала веревки старых армейских ботинок и легко подхватила с земли рюкзак с запаками.

– Ты вернешься сюда?

– Я вернусь сюда.

Вампиры совершенно не ориентируются во времени. Но им его совершенно не жаль. Поэтому уходя, я была уверена, что Сева будет ждать меня здесь. По какой-то понятной ему одному причине я была нужна ему. А может быть, и Фельд-

ману. Поэтому они будут меня здесь ждать сколько угодно времени, пока я буду стареть в километрах от них по своим жалким человеческим секундам и минутам. Они будут отлучаться лишь поесть, возвращаться и ждать меня. Зачем? Хотела бы я знать зачем.

Третий день убывающей Луны. Значит, во что бы то ни стало мне нужно попасть в центр старого города, на встречу с Лобовским. Да-да, он жив-здоров и даже не особенно постарел. Мой добрый бесстрашный друг стал одним из отцов нового времени и вполне сносно себя чувствовал. Его время течет еще медленнее моего, говоря современным языком, он одна из самых сильных особей нашего времени. И он один из немногих, кого я знаю из прошлой жизни...

* * *

Остановившись в пустыне, складывай из камней стрелу, чтоб, внезапно проснувшись, тотчас узнать по ней, в каком направлении двигаться. Демоны по ночам в пустыне терзают путника. Внемлющий их речам может легко заблудиться: шаг в сторону – и кранты. Призраки, духи, демоны – дома в пустыне. Ты сам убедишься в этом, песком шурша, когда от тебя останется тоже одна душа.

И. Бродский. Назидание

Старым городом мы называем центр Москвы, который вампиры не жалуют. Свои фермы и фабрики они строят в спальных районах, на месте бывшего Северного Бутово, Чертаново, есть колония в Гольяново. Вампиры не особенно любят воду (может быть, потому что она плохо влияет на обоняние), зато вполне терпимо относятся к нечистотам, каменным руинам, песку и напрочь лишены того, что мы раньше гордо называли «эстетикой» и «чувством прекрасного». Этские урбанисты позднего собянинского периода. Их смущает все, что напоминает им о власти на земле человека. Свидетельства царствования на Земле личности: история, отраженная в культурных памятниках, знания, которые не будят в них интереса, тонкая материя светлого поэтического разума. Все, что делало человека сильным духом, приближало к создателю, все, что отличает созидателя от разрушителя, глубоко противно вампирам. Центр города – это концентрация нашей исторической памяти – не личной, делающей нас сентиментальными, а потому уязвимыми, а многовековой и коллективной, которая долгое время была непреодолимым препятствием для вампиров в мир людей. Если бы я могла выбирать места для своих частых «прогулок», вряд ли бы выбрала центр. Я жила здесь до того, как мир захватили вампиры, и здесь в большей степени подвержена воспоминаниям. Они, как, вирус охватывают мой организм, стоит взгля-

ду упасть на знакомую стену разрушенного дома или рас­трескавшуюся ветхую дверь сохранившегося. С другой сто­роны, этот изменившийся местами ландшафт лабиринта зна­ком мне как никакой другой, что облегчает процесс выжива­ния в случае внезапной атаки и позволяет составлять навигацию для наших колоний. Среди вольных людей было много приезжих, даже иностранцев, им приходилось намного тяже­лее, поэтому можно сказать, мне грех жаловаться. Мое осо­бенное, можно сказать, выигрышное положение в новом со­циуме во многом сложилось стихийно – благодаря счастли­вому стечению обстоятельств, качеств характера, которые в новой реальности обрели неожиданное, определяющее зна­чение, привычек и навыков, которые в прошлой жизни мне были совершенно не нужны. Например, раньше мужа очень раздражала моя слабость – есть от случая к случаю и обхо­диться скромными порциями еды. Кто знал тогда, что это качество будет развиваться не как моя личная особенность, а как новое свойство вида, эволюционирующего в нечелове­ческих условиях. Знает ли он, что сейчас мы едим два-три раза в неделю, а не в день? Знает ли, что самой полезной едой считается теперь то, что раньше мы едой не считали? Знает ли, как изменился наш кишечник, микрофлора... Я не хочу думать дальше об этом. Узнал или нет – какая теперь разница?!

Я иду вдоль бывшего Чистопрудного бульвара мимо свал­ки, которая когда-то была театром «Современник». Деревья

здесь разрослись, не помню, чтобы когда-то тут были липы, но сейчас они есть. Во время их цветения, весной – как сейчас, они источают такой запах, что мой маршрут становится практически безопасным – липовый аромат глушит мой запах. Пруды тоже мало напоминают те жалкие лужицы, которые служили городу украшением. Москва была построена на болотах, в болото она и превращается по мере разрушения дорог, тротуаров, из трещин асфальта вырывается истинная суть земли, так же как из людей... Брошенные автомобили уже покрыты густым мхом, вход в метро завален камнями и осколками плитки. Первое время повстанцы ушли жить в туннели метро, но быстро поняли, какую совершили ошибку. Можно сказать, что вампиры охотились на нас как на крыс, выкуривая из этих подземных коридоров. Именно тогда мы поняли, что для жизни общиной больше нет места – ни на земле, ни под землей. Мы можем существовать только передвигаясь в пространстве и должны забыть об удобных городских локациях.

Какое-то время мы кочевали группами, и нам удавалось сохранить привычный уклад, но ненадолго. Тогда мы разбились на пары, на небольшие семьи. А потом мы поняли, что и пары нам больше не нужны. Каждый сам за себя, каждый сам по себе. И я знаю только одно- единственное место в городе, пока принадлежащее человеку, – место, где мы растим наших немногочисленных, но общих детей. Это наш Храм.

Мне жаль уходить от Чистопрудного бульвара в сторону к

реке, хотя там из-за воды не менее безопасно. Тут уже меньше птиц, не пахнет лесом и слышнее шаги. Но мне предстоит еще проделать неблизкий путь, а судя по солнцу, времени, чтобы застать на месте профессора, не так уж много. Большой Устьинский мост давно развалился, если бы мне нужно было попасть в Замоскворечье, пришлось бы переплывать реку на плоту, который мы прятали в березовой роще, среди обломков асфальта и свай, ушедших глубоко в грунт. Но мой путь лежал вдоль реки. Я иду по самой кромке воды, оставляя свой запах в чавкающей жиже. Получается громко, но звуки выдают меня все же не так, как этот проклятый человеческий запах.

За последние 30 лет парк «Зарядье» так разросся, что соорудивший его архитектор Казенцов, наверное, прыгал бы от радости. Когда-то на конференции, где я работала корреспондентом, он радостно рассказывал, что благодаря публикации о том, что в парке «Зарядье» занимается сексом все больше влюбленных пар, он стал знаменит на весь мир. «Теперь все знают, что в России секс все-таки есть». Знал бы этот весельчак, куда катится его парк «Зарядье», влюбленные пары, и весь этот долбаный мир со своим проклятым сексом. Единственное, за что я сегодня благодарна Казенцову, так это за решение высадить много берез. Теперь осенью мы собирали здесь богатые урожаи подберезовиков, и, хотя, места для секса здесь прибавилось, желание им заниматься у человечества как-то пропало. Разумеется, само по

себе «Зарядье» как архитектурное явление парком не было – это был один из множества симулякров, созданных человечеством в период перехода из мира индустриального в виртуальный, цифровой. Под сводами бетона скрывались помещения, переходы, многоэтажные столовые, и весь этот муравейник был припорошен сверху травкой и тоненьким слоем грунта с хиреющими деревьями. В дни беспорядков, когда бетонные своды были взорваны и произошло их обрушение, в центре «Зарядья» образовался естественный амфитеатр. Так муляжный рукотворный слой смешался с сильной властной живой природой. Из почвы, утаптываемой ногами множества поколений, марширующих мимо Кремля, из стихийно образовавшегося амфитеатра начал произрастать настоящий лес – уже похожий на правду, «отбившийся от рук» – естественный в своих желаниях и никем не ограничиваемый.

Воспоминание о грибах все-таки разбудило во мне чувство голода. Сглотив слюну, я вспомнила, сколько дней назад ела, и улыбнулась. Лобовский всегда приходил с «гостинцами». Воспоминание об этом придавало мне скорости, парк «Зарядье» уже манил меня, как в былые времена, когда в нем еще работал ресторанный дворик с устрицами и пирогами. Такие воспоминания нам тоже очень вредны. Они притупляют новые способности улавливать нужные запахи. Если к сегодняшнему дню я уже способна учуять запах вампира почти за километр, то воспоминания о еде заставляют мозг искать в воздухе и другие ароматы. Тогда я помимо воли могу учуять

чайку или лисицу, но хуже всего – галлюцинации, когда мерещится запах, скажем, давно забытого моим желудком супа. В такие моменты я уязвима, в системе защиты образуется брешь, и при этом я даже не могу с пользой использовать эти возможности, чтобы, к примеру, себя покормить. «Это не рационально», – корю я себя и заставляю потоку мыслей течь в другом направлении.

Вот за макушками деревьев, словно башенка старинного замка, виднеется Кремль. Всегда ненавидела Красную площадь и теперь даже благодарила вампиров за то, что она стала зеленой. Опушка «Зарядья» выглядела как весенняя солнечная полянка, но я знала, что в низине образовалось болото и мне придется его обходить, карабкаясь по склону, и подниматься к амфитеатру с дальней от меня стороны. Забравшись наверх и продираясь сквозь кустарник, я уловила знакомый запах. Не Лобовского... Минуточку. Ах, это всего лишь Ель.

Ель выбежала ко мне навстречу, лучезарно улыбаясь, и сгребла в охапку.

– Руки! – грубо осадил я ее.

Ель скривилась, но в глазах по-прежнему светилась радость. Я даже завидовала этой детской способности радоваться, так радовались когда-то дети вернувшейся с работы матери...

Всплеснув руками, Ель отвернулась от меня и побежала в сторону амфитеатра, повторяя вполголоса:

– Она, пришла, профессор, Она пришла.

Навстречу мне шел все тот же Лобовский. Единственный, сохранивший свое имя (точнее, только фамилию), – один из отцов, последний, кто был надо мной перед Богом. Единственный из людей, кто смотрел на меня сверху вниз, тот, кто помнил меня другой – Соней.

– Здравствуй, Она.

Я пожала ему руку, кинула рюкзак и села на него.

– Где мой паек?

– Вот он. – Профессор протянул мне сверток. Я тут же содрала грязную тряпку и стала жадно перебирать вещи и продукты. Среди еды (которая, безусловно, меня волновала) я искала нечто, что было мне еще нужнее. Схватив маленькую жестяную коробочку с содравшейся краской, я потрясла ее и с досадой спросила:

– Почему мало?

– Две недели назад наши не довели до Храма известку. Плот потонул.

– Ясно.

На самом деле это была катастрофа. Рецепт «талька» разработали сам Лобовский и еще один из отцов – в прошлой жизни биолог. Так мы называли смесь, которую принимали внутрь, – она могла частично нейтрализовать наш запах, «забивая» его, снижая интенсивность. Эта смесь была необходима и для разведчиков, и для тех, на кого активно велась охота. На меня охота велась всегда. И да, я была разведчи-

КОМ.

– Прости, – сказал Лобовский, но в его голосе не было ни раскаяния, ни сочувствия, лишь легкое беспокойство в глазах. Не обо мне лично, он знал, что я справлюсь без этого снадобья.

– Там есть новая майка, скоро потеплеет. Черная, как ты любишь, – Ольга сшила.

Я насупилась, разговор про майку мне не нравился, потому что возвращал ту, другую. В моей прошлой жизни Соня придавала большое значение тряпкам. Та, другая одевалась стильно, подбирая каждую деталь. «Про меня такого не скажешь», – с грустью подумала я, рефлексивно стряхнув со своих порванных холщовых штанов грязь, которую, разумеется, уже несколько месяцев было бы невозможно стряхнуть.

– Еще новости? – спросила я.

– Информация? – парировал он.

Есть в относительной безопасности еще приятнее, чем спать. Я достала из пайка что-то смутно напоминающее хлеб – «рженка», как мы ласкового называли наше изобретение, и принялась его грызть.

– Я вышла на своего охотника. На этот раз – из второго эшелона. Если смогу справиться с ним, как в прошлый раз, мы получим доступ к заводу в Бутово, и кое-что более ценное...

– Главное, чтобы раньше он с тобой не справился. Что было?

– Ну так, погонял меня по Пресне. Загнал в зоопарк. Я сбежала. Но теперь я знаю его запах не хуже, чем он мой.

– Ты осторожна?

– Пасусь рядом с Севой.

– Не выяснила, что ему надо от тебя? Столько лет не искал.

– Нет, но до тех пор, пока мне с ним безопасно, я не особенно стараюсь.

– Не хочешь узнать правду? Соня... это не он. Да и ты не Соня.

– Я помню.

Мы смотрели с ним друг другу в глаза какое-то время. Я еще ждала от него каких-то вопросов, какой-нибудь задачи. Черт, что-то, что придало бы смысл следующим двум неделям моих бессмысленных, как мне казалось, скитаний. Он знал, чего я от него жду. Он молчал умышленно. Мы сознательно не облегчали друг другу существование. Были обязанности, был обмен хлебом и информацией, но стараться психологически облегчить жизнь другому – было соблазнительным преступлением. Нам нужно было развиваться. И каждый занят своим делом.

– Ты хорошо прячешь мысли?

– Спросил бы еще, когда я в последний раз ходила в туалет!

– И когда ты в последний раз ходила в туалет? – рассмеялся Лобовский.

– Не помню.

– Значит, все в порядке.

– Как Давид?

– Ждет тебя. И он снова задаст тот же вопрос...

– С известкой помочь?

– Нет. Ты знаешь, что нам нужно. Не бери на себя лишнего

– не одна такая.

Я улыбнулась. К счастью, не одна. Таких, как я, было много. Если считать в процентах от всех людей, что мы с ним знали. Правда, знали мы теперь немногих. Три колонии по сотне? Тысяча на Москву? Миллион скотов? Тысяча в лесах? Мы больше не вели переписи населения. Мы не могли позволить себе много знаний. Не могли допустить вращения в головах мыслей, не имеющих практической пользы. Но ничего мы так не ценили (кроме наших детей – таких как Давид), как сохранившиеся от человечества знания – в книгах, нотах, живописи... Мы искали их и хранили для детей. Для наших безупречных, чистых, всемогущих детей. Мы знали цену знаниям, но мы не могли себе их позволить. Так же как не могли позволить себе прошлое. И эмоции. Все лучшее – детям, не нам.

– Пока, Лобовский.

– Пока, Она.

Больница. 2016 год

Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна.
Я пью. Ты жаждешь. Сговориться – тщетно.
Нас десять лет, нас сто тысячелетий
Разъединяют. – Бог мостов не строит.
Будь! – это заповедь моя. Дай – мимо
Пройти, дыханьем не нарушив роста.
Я – есмь. Ты – будешь. Через десять весен
Ты скажешь: – есть! – а я скажу: – когда-то...

А. Ахматова

Можно сказать, что процесс адаптации начался у меня намного раньше, чем у других людей. Начался с романа Севы, с собственных снов, с какой-то внутренней жизни, которая всегда не стыковалась с реальностью. После разговора с Любовским, когда мы еще только начали понимать, что происходит, во мне начали происходить изменения. Кажется, Лева решил, что я просто сошла с ума. Впрочем, так казалось даже мне самой. В моем затуманенном рассудке вспыхивали и гасли какие-то смутные образы, не поддающиеся толкованию. Наверное, это было похоже на шизофрению или на что-то в этом роде. То я видела в телевизоре собственного деда и пыталась выяснить у него, что он знает о вампирах, то будила мужа среди ночи криком, что чувствую запах серы. В

какой-то момент у меня случился срыв – я кричала никому не известные слова, я точно понимала, о чем хотела сказать ему и прибежавшей на крик соседке, но не могла. Я пыталась подавать им знаки, похожие на язык глухонемых, но они не поняли – они вызвали скорую.

Как я уже говорила, переход от одной формы жизни к другой был долгим. Великая революция, как называют этот период нашей истории вампиры, длился несколько лет, и все это время они скорее партизанили, чем открыто охотились. В какой-то момент прозревших было уже достаточно, но мы были как младенцы – не готовые к потоку новых знаний, не ориентирующиеся в этом хаосе, мы боялись сами себя. Проще говоря, даже понимая, что среди людей живут вампиры, мы не умели отличать их, а потому учились не доверять всем подряд. Для тех, кто был не в курсе, мир продолжал вращаться в привычном режиме: люди спокойно ходили в супермаркеты и кино, думали, куда полететь в отпуск, болезненно переживали неудачи на работе и ссорились из-того, кто будет мыть посуду дома. Конечно, в новостях говорили, что участились случаи суицидов, что наблюдается повышенная активность людей с психологическими отклонениями – но все это тонуло в общем потоке избыточной информации, гуляющей в сети. Никто особенно не вдумывался, и не считал, чего стало больше: аварий на дороге или самоубийств. Больницы и прежде были переполнены, а в какой-то момент...

Весь ужас заключался в том, что даже больницы уже бы-

ли переполнены не только людьми. Врачи-вампиры довольно быстро и эффективно заменяли персонал – медицина любимая сфера для этих знатоков человеческой физиологии. Однако вампиров было много и среди пациентов. Причины было две. Во-первых, преисполненные близости победы над человеком вампиры потеряли осторожность, и процент обращенных резко вырос по отношению ко всем временам сосуществования хомо сапиенса и его главного паразита на земле. Многие обращенные первое время не в состоянии сами себя прокормить. Предоставленные сами себе, они голодали и попадали в больницу истощенными полутрусами, где бродили по коридорам и бредили, не понимая, где они, кто они и чего так сильно жаждут. Были и другие случаи – буквально отравления. До сих пор вампиры неохотно жрут скот – им противен вкус страха в их крови. А ведь скот уже несколько поколений живет с вампирами. Они привыкли и смирились со своей долей. Но страх, как вирус, живет в невольных, являясь и причиной деградации, и естественным механизмом, который регулирует голод вампиров. Во времена Великой революции или в Страшные дни, как называют вольные переломный этап, растянувшиеся на годы, вампиры практически в открытую пили людей. Они не тратили время на подчинение, приручение, воспитание, уверенные в безнаказанности, в том, что революция сотрет следы всех их преступлений перед собратьями, они, как наркоманы, хотели пить каждый вечер нового человека. Люди не знали вампиров до сих

пор. По крайней мере те кто знал, были в полной психологической зависимости от них – все, что они могли рассказать окружающим, так это о том, как их тиранит дома супруг, жена, брат или сестра... Но, встретив вампира без подготовки, без их методичного прессинга, скажем, ночью, выходя из бара и подвергнувшись нападению, они пугались. Массивные порции страха тут же поступали в кровь и в артерии вампира. Этот яд, в микродозах, вызывающий лишь легкое отвращение, в больших количествах действовал на вампиров как на нас первая затяжка сигаретой. Если они сознательно перebarывали физиологию, то получали сомнительный кайф, и часто – отравление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.